

ХО ШИ МИН И Н. С. ХРУЩЕВ: КАК УХУДШИЛИСЬ СОВЕТСКО-ВЬЕТНАМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (КОНЕЦ 1950-х ГОДОВ)

© 2025

Д. В. Мосяков¹

В статье рассматривается динамика советско-вьетнамских отношений в конце 50-х годов, когда реальностью стал процесс определенного похолодания в отношениях двух партий и стран. Анализируются причины этого явления, показывается, что носили они не только субъективный (Н. С. Хрущева к Хо Ши Мину), но и во многом объективный характер. Дело в том, что когда вьетнамские коммунисты убедились в том, что южновьетнамские власти игнорируют решения Женевской мирной конференции и фактически при поддержке со стороны США строят собственное диктаторское государство, арестовывающее и убивающее коммунистов на Юге страны, они пришли к выводу о необходимости возобновления вооруженной борьбы на Юге как последнего шанса в борьбе за единство Вьетнама. Эта позиция шла вразрез с представлениями Н. С. Хрущева, который активно продвигал концепцию мирного сосуществования социализма и капитализма и твердо был намерен избегать новых региональных конфликтов в Азии с угрозой перехода в глобальное противостояние по линии СССР–США.

Он был решительно против планов возобновления вооруженного конфликта во Вьетнаме, и таким образом позиции руководства ПТВ и руководства КПСС стали расходиться по ключевому вопросу, в отношениях двух партий и стран образовалась глубокая трещина. Как результат — доверие и взаимопонимание стали исчезать, а вьетнамские коммунисты старались всячески ввести Н. С. Хрущева в заблуждение относительно своих действий на Юге Вьетнама. Советский лидер в свою очередь, понимая эти уловки, стал довольно эмоционально на это реагировать и обвинять своих вьетнамских коллег в неискренности и в нежелании прислушиваться к его мнению и к ориентации на Китай, а не на СССР. Все это предопределило еще более сложный этап во взаимных отношениях в ближайшем будущем.

Ключевые слова: Н. С. Хрущев, Хо Ши Мин, два вьетнамских государства, противостояние, признание, вооруженное восстание

Для цитирования: Мосяков Д. В. Хо Ши Мин и Н. С. Хрущев: как ухудшились советско-вьетнамские отношения (конец 1950-х годов). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 4. С. 75–95. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-075-095

¹ Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; mosyakov.d@gmail.com
Dmitrii V. Mosyakov, D. Sc. (Hist.), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; mosyakov.d@gmail.com

HO CHI MINH AND N. S. KRUSHCHEV: HOW THE RELATIONS BETWEEN USSR AND VIETNAM DETERIORATED IN THE LATE 1950s

Dmitri V. Mosyakov

The article examines the dynamics of Soviet-Vietnamese relations in the late 1950s, when a certain cooling in the relations between the two parties and countries became a reality. The article analyzes the reasons for this phenomenon and shows that they were not only subjective, such as Nikita Khrushchev's "cold" attitude towards Ho Chi Minh, but also objective. The fact is that when the Vietnamese communists realized that the South Vietnamese government was ignoring the decisions of the Geneva Conference and was actually building its own dictatorial state with the support of the United States, arresting and killing communists in the South, they came to the conclusion that it was necessary to resume the armed struggle in the South as the last chance to fight for the unity of Vietnam. This position was at odds with the policies of Nikita Khrushchev, who actively promoted the concept of peaceful coexistence between socialism and capitalism and was determined to avoid new regional conflicts that could escalate into global confrontation. on the USSR-USA line.

He was strongly opposed to the resumption of the armed conflict in Vietnam, and as a result, the positions of the PTV leadership and the CPSU leadership diverged, creating a deep rift between the two parties and countries. As a result, trust and mutual understanding began to disappear, as the Vietnamese communists tried to mislead Nikita Khrushchev about their actions in South Vietnam, and Khrushchev, realizing the various tricks, became quite emotional and accused his Vietnamese colleagues of insincerity and unwillingness to listen to his opinion and to focus on China rather than the USSR. This led to an even more complicated stage in their relationship near future.

Keywords: N. S. Khrushchev, Ho Chi Min, two Vietnamese states, confrontation, recognition, armed uprising

For citation: Mosyakov D. V. Ho Chi Minh and N. S. Krushchev: How the Relations Between USSR and Vietnam Deteriorated in the late 1950s. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 4. P. 75–95. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-4-075-095

Безуспешная борьба за статус-кво

Визит А. И. Микояна в Ханой, состоявшийся в апреле 1956 г., ознаменовал окончание одного и начало другого этапа в отношениях Москвы и с Партией трудящихся Вьетнама, и с ДРВ. Если до этого взаимные связи шли в целом по восходящей, то после визита все быстрее стали скользить по нисходящей линии. Причин для этого хватало как объективных — настроенность ПТВ на более близкие отношения с КПК, так и субъективных — отсутствие симпатии и доверия между Хо Ши Мином и Н. С. Хрущевым. Достаточно сравнить, с каким радушием советский лидер принимал индонезийского президента Сукарно в Москве в 1961 г., дважды в 1955 и в 1960 гг. ездил к другому своему другу — президенту Бирмы У Ну. С Хо Ши Мином у Н. С. Хрущева такой откровенной теплоты и приязни не было. Возможно, играл роль личностный фактор — внутренняя аскетичность и строгость Хо Ши Мина не очень нравились советскому лидеру, его прошлое в Коминтерне усиливало недоверие. Совершенно по-другому происходило его общение с тем же Сукарно или У Ну. Они по духу очень были похожи — такие же популисты и сторонники авторитарного правления. Что касается Хо Ши Мина, то Н. С. Хрущев чувствовал, что лидер Вьетнама не разделяет его взгляды на И. В. Сталина и не согласен и с тем, как был организован доклад о культе личности на XX съезде, и с тем, что в этом докладе содержалось.

Крайне «сдержанное отношение» Н. С. Хрущева к Хо Ши Мину и к ситуации во Вьетнаме особенно проявилось меньше чем через год после визита А. И. Микояна, когда в Москве без согласования с вьетнамскими друзьями решили, что вьетнамская проблема будет решаться по типу корейской с длительным разделом страны на противостоящие друг другу государства. Там пришли к выводу, что существует паритет сил между Северным и Южным Вьетнамом и такое статус-кво следует закрепить в рамках международных договоренностей. Почему предварительно этот вопрос не был обсужден с вьетнамскими друзьями, сказать сложно, но фактом остается то, что 23 января 1957 г. на заседании Совета Безопасности ООН советский представитель безо всяких консультаций с руководством ДРВ предложил предоставить Северному и Южному Вьетнаму статус суверенных государств. Для северовьетнамских властей это было абсолютно неприемлемо, и они незамедлительно заявили резкий протест. Хо Ши Мин немедленно вызвал советского посла и раскритиковал и это предложение, и вообще позицию СССР относительно ситуации во Вьетнаме. Он указал, что «признание Северного и Южного Вьетнама в ООН и признание Советским Союзом режима Зьема означает ликвидацию Женевских соглашений» [Gaiduk, 2003, с. 85]. Особое раздражение у него вызвал тот факт, что советские дипломаты договариваются за спиной своих северовьетнамских товарищей, не поинтересовавшись их мнением по данному вопросу.

В архивах сохранились документы, которые в определенном смысле объясняют логику действий советского руководства в отношении двух частей Вьетнама. В частности, речь идет о докладной записке заместителя заведующего отделом Юго-Восточной Азии МИД СССР М. А. Максимова, датированной 20 марта 1959 г. и направленной в адрес заместителя министра иностранных дел СССР Г. М. Пушкина. В ней рассматривался вопрос о необходимости установления отношений СССР с Южным Вьетнамом и отмечалось, что «Посол СССР в Японии т. Федоренко предложил рассмотреть вопрос об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Южной Кореей. В связи с этим он считает целесообразным всесторонне изучить также вопрос о нашем отношении к Южному Вьетнаму» [телеграмма из Токио № 1047 от 30 декабря [19]58 г.].

Соображения, которыми т. Федоренко обосновывает свои предложения, сводятся к тому, что «отсутствие всяких связей с Южной Кореей и отсутствие наших там представителей фактически отдаст Южную Корею полностью в лагерь американского империализма. Это обстоятельство в определенной мере относится и к Южному Вьетнаму». В отношении его в документе утверждалось, что «на территории Вьетнама продолжают укрепляться два государства с противоположными социально-экономическими системами». В этой связи, указывалось в записке, представляется целесообразным и отвечающим интересам социалистического лагеря в целом признать де-факто реальное положение, сложившееся на территории Вьетнама, и считать назревшей в отношении Вьетнама задачу налаживания каких-то межгосударственных связей стран социалистического лагеря с Республикой Вьетнам с целью использования этих связей для ослабления и последующей ликвидации нынешнего доминирующего положения США в Южном Вьетнаме. Такими связями в существующих условиях могли бы быть связи экономические и культурные. Еще в документе утверждалось, что «установление экономических и культурных связей стран социалистического лагеря с Южным Вьетнамом не противоречило бы положениям Женевских соглашений о Вьетнаме.

Но самое интересное в этой записке содержалось во второй ее части, где явно прослеживалась критика позиции «северовьетнамских властей, которые выступают против такого решения». Там отмечалось, что «вследствие позиции вьетнамских друзей, опирающихся на формальную сторону Женевских соглашений и пока отказывающихся на этом основании хотя бы де-факто признать статус государственности за южновьетнамской Республикой Вьетнам, для стран социалистического

лагеря практически невозможно даже налаживание экономических и культурных связей с Южным Вьетнамом в интересах ослабления американского господства в этой части страны».

Таким образом, какое-либо изменение нашей политики по отношению к Южному Вьетнаму зависит прежде всего от позиции вьетнамских друзей относительно южновьетнамского режима [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 24. Д. 13. Л. 38–39].

При анализе этого документа возникают большие сомнения в том, что и посол, и, кстати, выдающийся востоковед и дипломат Н. Т. Федоренко, и ответственные работники МИД были настолько наивными, что рассчитывали установлением связей с Южным Вьетнамом и появлением там советских представителей всерьез ослабить американское влияние в Сайгоне. Скорее всего, этот аргумент имел больше пропагандистско-политический характер, ведь как-то надо было объяснить отход от политики «одного Вьетнама» и вообще совершенно новый взгляд на ситуацию в этой стране. Интересы СССР оказаться при таком развитии событий над конфликтом и иметь свободу рук в отношениях с Севером и с Югом плюс еще и возможность новых контактов с американцами, курировавшими южновьетнамский режим, просматриваются невооруженным глазом. Более того, признание двух вьетнамских государств на Севере и на Юге должно было показать, что СССР готов на длительную перспективу иметь дело со сложившимся статус-кво и исключить тем самым возобновление военного конфликта во Вьетнаме и в Индокитае. В этой связи возможное появление советских представителей в Сайгоне, а южновьетнамских в СССР могло означать еще и то, что Москва дает определенные гарантии безопасности южновьетнамскому режиму и готова к тому, что его противостояние ДРВ превращается в длительный и неопределенный по своим результатам переговорный процесс.

Кроме того, появление такой записки в недрах правящей советской политической элиты указывает на то, что скептическое отношение к укреплению дружбы и сотрудничеству с Вьетнамом и вообще с коммунистами в Индокитае имело и влиятельных сторонников в партийном аппарате, и определенные основания. В Москве среди части партийных кадров, особенно на внешнеполитическом треке, уже тогда, как выясняется, существовали прозападные настроения, опиравшиеся на странные надежды на то, что возможна конвергенция социализма и капитализма и равноправные отношения с США, что с Америкой лучше дружить, а не враждовать. Среди сторонников такого подхода можно вполне определенно назвать А. Н. Яковлева, который изучал основы политического плюрализма во время стажировки в 1958–1959 гг. в Колумбийском университете. В 1965 г. он занял пост первого заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС. Очевидно, что эти взгляды разделяли А. Ф. Добрынин — посол СССР в США, Н. Т. Федоренко — посол в Японии и будущий академик, а также многие другие влиятельные люди в партийной иерархии.

Они полагали, что все эти страны Индокитая — лишняя обуза, что содержание их правящих партий требует слишком много ресурсов, которые могли бы быть потрачены на собственное развитие. Их мало интересовали вопросы коммунистической идеологии, они скорее являлись сторонниками реальной геополитики и видели интерес СССР в наличии не конфронтационных, а лучше даже партнерских отношений с США. Их политическая линия проявит себя несколько позже, когда вместо поддержки коммунистических сил в Камбодже после переворота в Пномпене в апреле 1970 г. Москва, чтобы показать свое нежелание открывать еще один конфликт с США в Индокитае, поддержала генерала Лон Нола, несмотря на его теснейшую близость и откровенную зависимость от США.

На практике все эти попытки следования внешне прагматичной и лишенной идеологии политической стратегии с опорой на реальную геополитику никакого позитивного эффекта ни в 1958 г. с идеей признания проамериканского Южного Вьетнама, ни в 1970 г. с признанием

проамериканского режима Лон Нола, ощутимого позитивного эффекта не дали. Хуже того: они нанесли огромный ущерб в первом случае советско-вьетнамским отношениям и особенно межпартийным связям, а во втором — советско-камбоджийским отношениям, когда и без того слабые контакты с компартией Камбоджи вообще прекратились, а СССР был объявлен чуть ли не главным врагом кхмерского народа и красных кхмеров.

Несомненно, что предложение установить контакты с Южным Вьетнамом теснейшим образом было связано с тем, что Н. С. Хрущев был крайне привержен придуманной его советниками так называемой политике «мирного сосуществования» с Западом, которая трактовалась как специфическая форма классовой борьбы во всемирном масштабе, как главное средство недопущения как глобального конфликта, так и более мелких войн. В русле этой концепции только и могла существовать направленная на компромисс со странами Запада политическая линия. Применительно к Вьетнаму было очевидно, что Н. С. Хрущев совершенно не собирался от нее отступать из-за желания руководства ПТВ освободить Юг Вьетнама и объединить страну под своей властью. Он старался мыслить глобально, и в его планах акцент делался на сочетание мирного сотрудничества и конкуренции социализма с империализмом в экономике и политический диалог в вопросах поддержания мира. Это на самом деле оказалась в полном смысле провальная идея, которая противоречила всем марксистским догмам и писаниям классиков, а главное — она не учитывала того, что СССР в любом обличье и при любой политике стоял как «кость в горле» США и коллективного Запада, так как их целью было расчленение и уничтожение СССР как препятствия к абсолютному мировому лидерству.

В Индокитае и во Вьетнаме среди руководства ПТВ идея мирного сосуществования особой поддержки не нашла, так как в Ханое большинство в партийной элите выступало за продолжение борьбы за объединение страны любыми, в том числе военными средствами. Там и представить себе не могли длительное разделение страны на два государства и активно готовились возобновить вооруженную борьбу на Юге.

Очевидно, что Н. С. Хрущев чувствовал оппозицию со стороны ПТВ и в отношении решений XX съезда, и своим планам сохранения статус-кво; это формировало барьер недоговоренности и явно охлаждало взаимные контакты. Советский лидер не раз показывал, что не испытывает особой заинтересованности в событиях во Вьетнаме, а вьетнамские товарищи, в свою очередь, настойчивыми призывами оказать максимально возможную поддержку во всех областях вызывали у него, как мы знаем, у А. И. Микояна и других членов руководства КПСС откровенное раздражение. Такая довольно эмоциональная реакция советского лидера в отношении ДРВ особенно хорошо видна при изучении стенограммы его беседы с Хо Ши Мином, состоявшейся во время визита вьетнамского лидера в Москву летом 1957 г. Товарищ Хо прибыл в советскую столицу 14 июля проездом, направляясь с визитом в восточноевропейские страны, 16 июля он и сопровождавшие его члены вьетнамского руководства встретились с правительственной делегацией СССР во главе с Н. С. Хрущёвым и Н. А. Булганиным, а 17 июля, в день отъезда, у него состоялась отдельная беседа с Н. С. Хрущевым. На ней стоит сосредоточиться особо, так как ее стенограмма крайне необычна. На протяжении всей встречи Хо Ши Мин старался максимально подробно рассказать Н. С. Хрущеву о событиях во Вьетнаме на Юге и о положении в ПТВ. Его собеседник в ответ не выказывал никакого к этому интереса, отвечал на вопросы вьетнамского лидера односложно, не задавая каких-то уточняющих вопросов. Например, заговорили о визите Во Нгуен Зиапа в Москву, и Н. С. Хрущев отвечает: если нужно, то пусть «Во Нгуен Зиап приезжает», об экономической помощи — «да вопросы экономической помощи мы рассмотрим». «Мы, — сказал в заключение беседы Н. С. Хрущев, — изучим ваши документы и затем сообщим Вам свое более фундаментальное мнение». Как видим, никаких

неформальных или дружеских слов и приветствий. Все очень сухо и официально. Именно такой стиль выбрал Н. С. Хрущев для общения с вьетнамскими друзьями.

Не вызывает сомнения, что такой многоопытный политик и просто очень проницательный человек, как Хо Ши Мин, не мог не отметить открыто отстраненное отношение советского лидера к вьетнамским делам, но больше всего его должны были насторожить слова Н. С. Хрущева относительно того, как тот понимает положение, сложившееся во Вьетнаме. Советский лидер отметил, что «можно сказать заранее, что ни Северный, ни Южный Вьетнам не пойдут на взаимные уступки. Надо учитывать существующее положение де-факто, но при этом использовать политический нажим на противников единства Вьетнама и разработать соответствующую тактику. Женевские соглашения, которые были завоеваны вьетнамским народом в упорной многолетней борьбе, являются выгодными для Северного Вьетнама, и поэтому не следует терять вытекающих отсюда преимуществ. Мы считаем, что в своей борьбе вьетнамский народ добился хороших результатов. Кроме того, надо поднимать экономику Севера, создать там экономические преимущества и тем самым повлиять на сознание населения Южного Вьетнама, Лаоса, Камбоджи и других соседних стран» [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 74–78].

Такая позиция Н. С. Хрущева, отрицавшая в принципе всякую возможность продолжения вооруженной борьбы и явно направленная на сохранение во Вьетнаме сложившегося статус-кво, была для вьетнамского руководства, где сторонники возобновления вооруженной борьбы на Юге преобладали, абсолютно неприемлемой. Дело в том, что режим Нго Динь Зьема, с которым хотели установить связи в Москве, являлся крайне жестоким и диктаторским — последовательно уничтожал коммунистов, их партийные ячейки и кадровых бойцов. Глава сайгонского режима и стоявшие за его спиной американцы вместо организации выборов развернули операции по подавлению любой оппозиции, фактически развязали террор против всех, кто сочувствовал коммунистам. В ситуации тотального преследования и без помощи со стороны Севера коммунистам на Юге было не устоять. Однако Н. С. Хрущев как будто этого не знал и не замечал, поэтому все его разговоры о мирном сосуществовании и неприкосновенности Женевских соглашений воспринимались вьетнамскими коммунистами как предательство коммунистов Юга и откровенный ревизионизм.

Их несогласие с позицией советского лидера усиливалось тем, что в это время другой союзник ДРВ — Китай — полностью поддерживал и аграрную реформу, и курс на вооруженную борьбу для освобождения Юга. Так, например, премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай указывал руководству ПТВ, что земельная реформа стала большим успехом, потому что производство риса превзошло ожидания на 4 млн т, а сотни тысяч крестьян стали землевладельцами [Пат, 2021, с. 92]. Он призывал еще более усиливать во Вьетнаме «классовую борьбу», так как «капиталистическая идеология глубоко укоренилась в умах вьетнамской интеллигенции, а значит, этих реакционеров необходимо подавить; в противном случае они найдут способы противостоять социалистической революции [Там же].

Председатель Мао в свою очередь высказал одобрение посетившему его вьетнамскому премьер-министру Фам Ван Донгу, отметив: «что касается земельной реформы, Вьетнам провёл ее более правильно и спокойно, чем Китай. По сути, это успех». В отношении ситуации в мире Мао посоветовал Фам Ван Донгу «избегать больших ошибок, совершённых странами Восточной Европы» [Там же]. Нет сомнений, что «великий кормчий» имел в виду ошибки коммунистического руководства Венгрии и Польши, которые оказались недостаточно жесткими к внутренним врагам и допустили мятежи против правления коммунистов.

Все эти заявления Мао Цзэдуна и Чжоу Эньлая вступали в противоречие с оценками и действиями А. И. Микояна и Чэнь Юня в апреле 1956 г., которые были очень критичны относительно

хода аграрной реформы и внутренней политики ПТВ в целом. Но прошло время, в Китае начался «большой скачок в коммунизм», и точка зрения относительно ее характера изменилась. Еще более существенным стало то, что в противовес Москве Пекин в то время всецело поддерживал планы руководства ПТВ решить проблемы национального единства и воссоединения Юга военным путем. Мао Цзэдун открыто выступал за более активные действия против проамериканских властей Южного Вьетнама и поощрял стремление вьетнамских коммунистов к вооруженной борьбе. Все это придавало уверенности вьетнамскому руководству, создавало ощущение справедливости своей позиции и несправедливости позиции СССР, который был чуть ли не готов признать марионеточные власти Юга. В результате, по информации Д. Зусмановича, «в Ханое приняли решение перестать вести диалог и ставить в известность Кремль относительно своих планов и действий в Южном Вьетнаме» [Зусманович, 2016, с. 20].

Этот вывод на самом деле не вполне справедлив и лишь отчасти отражает реальность советско-вьетнамских отношений, сложившуюся во второй половине 50-х. Очевидно, что нет никаких оснований утверждать, что диалог двух сторон прекратился: он продолжался, причем достаточно интенсивно, но действительно атмосфера этого диалога кардинально изменилась, и ставить в известность Кремль относительно своих планов и действий в Южном Вьетнаме в Ханое прекратили, точнее — стали скрывать все то, что могло не понравиться Москве.

Такая перемена в характере взаимных связей и контактов с частичной утратой взаимного доверия, несомненно, представляла собой серьезный негатив в отношениях двух правящих партий. Но нельзя не признать, что со стороны вьетнамского руководства дезинформация относительно своих планов на Юге носила во многом вынужденный характер, так как в Москве явно не разделяли стратегических устремлений Ханоя. В противовес тому, на чем настаивал Н. С. Хрущев, руководство ДРВ готовилось к военному продолжению конфликта и в этой связи стремилось получить наиболее современное оружие. Именно поэтому Хо Ши Мин в беседе с советским послом во Вьетнаме Л. И. Соколовым, которая состоялась в середине января 1959 г., высказал пожелание организовать очередной визит министра обороны ДРВ в Москву. Хо Ши Мин, отмечал в своем сообщении советский посол, сказал, что «в сентябре с. г. Во Нгуен Зиап совершит секретную поездку в Китай и сможет приехать в Москву для того, чтобы дать более детальную информацию, если на это согласны советские товарищи».

Важность этого визита и получения военной помощи для планируемых операций была настолько велика, что Хо Ши Мин в беседе с послом демонстративно старался всячески подчеркнуть свою максимальную поддержку курсу Н. С. Хрущева и всячески приветствовал установление связей СССР и США в рамках неофициальной поездки А. И. Микояна в США. Мне трудно предсказать, заявил он, «каков будет окончательный итог бесед и встреч т. А. И. Микояна в США, но ясно одно, что результат может быть только положительным. Об этом можно судить уже по тому радушному приему, который оказывается т. А. И. Микояну в США со стороны не только простых американцев, но и со стороны американских деловых кругов». Он еще добавил, что «мирные цели визита тов. А. И. Микояна говорят народу Америки о том, что коммунисты не хотят войны не потому, что они ее боятся, а потому, что мир необходим всем народам для созидания» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 22–25].

Содержание таких, явно приятных для кремлевского руководства, заявлений имело вполне понятную и определенную цель — показать поддержку советской политики, а взамен получить от СССР максимально возможную помощь. С одной стороны, восхищение визитом А. И. Микояна соответствовало интересам вьетнамской стороны, но с другой — такие льстивые заявления носили со стороны Хо Ши Мина не вполне искренний характер. Ведь ПТВ и ее руководство вслед

за китайскими товарищами не одобряли огульную критику И. В. Сталина, не принимали и концепцию так называемого мирного сосуществования стран социализма и капитализма, их мирную конкуренцию, считали ревизионизмом идею о том, что возможен приход коммунистов к власти путем выборов, причем винили во всем руководства КПСС и лично Н. С. Хрущева.

Все эти, так любимые советским лидером, новации в коммунистическую доктрину слабо коррелировались с ортодоксальным марксизмом и были на самом деле просто придуманы в недрах КПСС антисталинскими интеллектуалами, которые в лучших традициях российских западников искали возможность достичь устойчивого мира на основе неформализованных договоренностей с капиталистическим Западом. Они действовали по негласному заказу, так как Н. С. Хрущев искал любой повод противопоставить себя ушедшему вождю — не просто обвинить его во всех грехах недавнего прошлого, но и продемонстрировать свой собственный курс, отличный от сталинского. Он хотел выступить этаким миротворцем, рассчитывал на успех в экономической конкуренции с Западом и верил, что сможет добиться своих целей глобального советского доминирования без войны.

Все эти надуманные конструкции, в которых Н. С. Хрущев вполне искренне видел свой вклад в марксизм, не просто легли в основание его политики — он стал их пропагандировать как новое слово в коммунистической доктрине и реально их осуществлять: выводить войска из Австрии, Румынии и Финляндии, распускать Коминформ, какой-никакой, но все-таки бледный наследник Коминтерна. У Хо Ши Мина все эти рассуждения и действия советского лидера понимания найти не могли, тем более что буквально накануне его встречи с советским послом на прошедшем под его председательством 14–16 января 1959 г. XV пленуме ЦК ПТВ было принято историческое решение о начале вооруженной борьбы на Юге и о свержении правительства Нго Динь Зьема [Локшин, 2015, с. 138].

Понятно, что шло оно в разрез со всем, что предлагал и за что выступал Н. С. Хрущев и уже в силу этого представляло собой очевидный вызов и даже угрозу как сохранению высокого уровня доверия, так и партийным и государственным взаимосвязям.

В Москве этого решения явно не желали, так как оно кардинально меняло ситуацию во Вьетнаме, вело к тому, что конфликт Севера и Юга вновь выходил на передний план мировой политики, открывался новый раунд войны и соответственно противостояния советско-китайского блока и США и стран Запада, которые стояли за спиной южновьетнамских властей. При таком раскладе ни о каком мирном сосуществовании и речи не было. В Ханое это понимали и, опасаясь гнева Москвы, постарались максимально долго скрывать свое решение, а если и упоминать о ситуации на Юге, то исключительно как о сочетании политической борьбы со стороны ПТВ и выступлений против южновьетнамского режима обездоленных крестьян.

Причина такого обмана заключалась в том, что армии северян, как, впрочем, и прокоммунистическим партизанам на Юге остро требовалось новое советское оружие, и как можно больше, чтобы возобновить военные действия на Юге и вести их эффективно. Наверно, поэтому Хо Ши Мин готов был, наступая на «горло собственной песни», демонстративно показывать послу свою поддержку политике Н. С. Хрущева в международных делах и даже выражать свое искреннее восхищение «искусству т. А. И. Микояна вести беседу» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 22–25].

Подтверждением того, что вьетнамский лидер решил не ставить в известность о своих планах Москву и вел хитрую игру с советским руководством, является его ответ на прямой вопрос советского посла относительно решений, принятых на XV пленуме ЦК ПТВ. Говорил он о них крайне уклончиво, не раскрывая ни сути, ни подробностей обсуждения. Он лишь сказал, что на пленуме «подробно разбираются причины отдельных недостатков за прошедший период в работе партии

на Юге, разрабатываются меры для их устранения». Единственным намеком на реальное положение дел стала его фраза о том, что современное положение в Южном Вьетнаме можно определить как «назревание революционной ситуации» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 22–25].

По всей видимости, в Москве сочли ответ Хо Ши Мина на вопрос посла недостаточно полным, там явно желали получить более значимую информацию о принятых вьетнамскими товарищами решениях и потребовали от главы советской дипмиссии вновь поднять этот вопрос. Поэтому на встрече с Ле Зуаном Л. И. Соколов обратился к нему с просьбой «проинформировать нас о решениях XV Пленума, который рассмотрел основные проблемы развития революционного движения в Южном Вьетнаме, борьбы за объединение страны. Тов. Ле Зуан, по сообщению посла, выразил согласие, но оговорил, что резолюция XV пленума нуждается пока в окончательной доработке. Он указал, что у него будет еще возможность проинформировать советского посла по основным моментам положения в Южном Вьетнаме и развертываемой там работы, ибо он полагает, что сегодняшняя встреча является лишь началом последующих деловых и дружеских контактов» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 102–107].

Из беседы Ле Зуана с советским послом следует, что он, как и Хо Ши Мин до него, не стал подробно обсуждать решения, принятые на прошедшем пленуме, пообещав в будущем это сделать. Явное нежелание лидеров ПТВ рассказывать советскому представителю, что они решили относительно политики на Юге Вьетнама, служит подтверждением того факта, что неинформирование, а точнее — введение советского руководства в заблуждение относительно цели и направления политики ПТВ было продуманной политикой и касалось всего руководящего состава партии. Это делалось намеренно и оправдывалось тем, что они справедливо полагали: руководство КПСС, которое было так привержено Женевским соглашениям и не желало никакого нового конфликта в Индокитае, наверняка выступит резко против возобновления вооруженной борьбы на Юге. Правда, при этом Ле Зуан, как это сделал до него и Хо Ши Мин, старался рассуждениями о «новой фазе борьбы на Юге, о существующей там революционной ситуации» готовить Москву к принятию их политического выбора.

В Москве, так и не получив исчерпывающей информации из «первых рук», не успокоились и продолжали требовать от посла, чтобы он добился от вьетнамского руководства более определенного ответа о принятых решениях. Можно предположить, что по другим каналам информация о решении начать вооруженную борьбу на Юге в Москве имела, но Н. С. Хрущев, видимо, хотел получить сообщение о принятых в противовес его советам решениях непосредственно от лидеров партии и страны. Поэтому в конце мая 1959 г. на встрече с Фам Ван Донгом Л. И. Соколов вновь задал все тот же уже ставший сакраментальным вопрос о решениях XV пленума. Он спросил своего собеседника о том, когда посольство сможет получить необходимую информацию о решениях XV и XVI пленумов ЦК ПТВ. Тов. Фам Ван Донг, по сообщению посла, не дал определенного ответа, сказав, что «до настоящего времени резолюции этих пленумов окончательно еще не отредактированы». «Как только будет закончена их редакция, посольство будет немедленно должным образом поставлено в известность» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 123–126].

Как мы видим, вьетнамское руководство и дальше продолжило свою «игру в молчанку», довольно откровенно показывало свое нежелание информировать и обсуждать с Москвой ключевые решения, которые оно принимало. Это не могло не вызвать раздражения и подозрений в Москве, так как было известно, что сам пленум состоялся в середине января и советские товарищи справедливо полагали, что к концу мая вьетнамские друзья могли бы уже отредактировать принятые документы и ознакомить их с ними. Но в Ханое этого не делали или не решались сделать, зная взрывной характер советского лидера, и справедливо полагали, что Н. С. Хрущев в ответ на игнорирование

его рекомендаций относительно сохранения мира и Женевских соглашений мог взять и одним решением остановить советскую помощь ДРВ, которая была по многим показателям даже больше, чем помощь со стороны Китая.

В связи с этим очевидно, что политику ПТВ в отношениях с Москвой можно рассматривать как продуманную игру, цель которой заключалась в том, чтобы получить как можно больше помощи, не ставя в известность Н. С. Хрущева о реально принятых решениях и планах. Скорее всего, вьетнамские руководители предполагали постепенно подготовить советского лидера к таким малоприятным для него известиям. Более того, рассчитывали, видимо, добиться серьезных успехов в Южном Вьетнаме и тогда в совершенно иной обстановке свершившихся успехов рассказать о своих планах советскому руководству. Архивные документы показывают, что в Москве прекрасно видели эту игру руководства ПТВ и делали соответствующие выводы, которые явно не шли на пользу взаимным отношениям. Об этом может свидетельствовать новая встреча Н. С. Хрущева и Хо Ши Мина в Москве в июле 1959 г., в ходе которой заметное охлаждение отношений стало свершившимся фактом.

Изучение стенограммы их беседы, состоявшейся 3 июля 1959 г., обнаруживает тот вызывающий удивление факт, что вся она была посвящена ситуации в Лаосе. Н. С. Хрущев хотел, видимо, показать своему визави, что Лаос и перипетии борьбы за власть в этой стране его волнуют больше, чем то, что происходит на Юге Вьетнама. В ходе беседы о положении там практически ничего не говорилось, впрочем, как и не поднимался вопрос о предоставлении нового пакета советской помощи. Н. С. Хрущев старался продемонстрировать равнодушие и незаинтересованность относительно действий и решений ПТВ. В качестве примера царившей в ходе беседы атмосферы можно привести слова Н. С. Хрущева в ответ на сообщение Хо Ши Мина о том, что крестьяне Вьетнама собрали хороший урожай. Советский лидер как будто это не услышал и вместо поощрения стал указывать на ошибки китайских товарищей в ходе коллективизации, а потом рассуждать о своих отношениях с президентом Объединенной Арабской Республики Гамаль Абдель Насером и о положении, сложившемся в Ираке.

Дальше он начал знакомить вьетнамского лидера с глобальными успехами советской внешней политики, которую он курировал лично. В его рассуждениях содержался недвусмысленный намек на то, что те, кто следует его рекомендациям и предложенной им политике, преуспевают и у него на хорошем счету. А вот ДРВ, судя по отсутствию позитивных коннотаций относительно ее политики и отсутствия всякого упоминания ее и ее руководства Н. С. Хрущевым в позитивном плане, явно в эту обойму не входила. Лишним свидетельством этого стал его ответ на очередное приглашение Хо Ши Мина посетить Вьетнам. В документе сказано, что «Тов. Н. С. Хрущев рассказывает т. Хо Ши Мину, что в этом году это абсолютно невозможно, поскольку предстоит его поездка во главе партийно-правительственной делегации в Польскую Народную Республику, затем он должен выехать в Скандинавские страны, а затем будет в отпуске. Возможно, что удастся побывать во Вьетнаме в будущем году» [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 89–92].

Почему Хрущев не доверял вьетнамскому руководству

Как мы знаем, обещание приехать в Ханой в следующем году было лишь удобной отговоркой, чтобы показать, что вьетнамские дела не стоят у советского лидера на переднем плане. В 1960 г. Н. С. Хрущев будет активно путешествовать, например, с 11 февраля по 5 марта 1960 г. он побывает в Индии, Бирме, Индонезии и Афганистане, но во Вьетнам, который, можно сказать, был совсем рядом, так и не заедет. А там его очень ждали, причем Хо Ши Мин заранее специально

пригласил к себе советского посла и сообщил, что в связи с предстоящим в феврале месяце визитом т. Н. С. Хрущева в Индонезию он хотел бы выяснить возможности посещения т. Н. С. Хрущевым и ДРВ. По информации посла, Хо Ши Мин сказал, что если «маршрут перелета будет разработан так, что т. Н. С. Хрущев по пути в Индонезию сделает остановку не только в Нью-Дели, но и в Рангуне, то мы считаем, что он сможет посетить и Ханой. Мы, продолжал Президент, хотим пригласить т. Н. С. Хрущева побывать в ДРВ, тем более что Никита Сергеевич дал мне на это в Москве принципиальное согласие, а я указал, что наиболее подходящим периодом посещения Вьетнама с точки зрения климатических условий является весна». Президент, сообщал далее посол, «затем обратился ко мне с просьбой выяснить возможности, существующие в этом вопросе» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 23. Д. 6. Л. 1–3].

Понятно, почему так стремились вьетнамские товарищи принять Н. С. Хрущева в Ханое. Такой визит стал бы в определенном смысле знаком одобрения со стороны Москвы и ее согласия со всеми их действиями. Рассчитывали еще и на то, что в Ханое, на вьетнамской земле, было бы легче убедить советского вождя в правильности выбранного ими курса. Н. С. Хрущев все это понимал, и его отказ от визита во Вьетнам был определенным жестом, который свидетельствовал, что советский руководитель недоволен политикой ПТВ и зримо это показывал. Вполне вероятно, что он еще хотел таким образом отреагировать на то, что так и не получил от вьетнамских друзей всей информации о состоявшихся пленумах ЦК ПТВ и в целом хотел показать, что не одобряет политику северовьетнамского руководства на Юге страны. Не менее существенным, видимо, было и то, что в условиях разраставшегося конфликта с КПК и лично с Мао Цзэдуном он полагал, что руководство ПТВ выступает против него и находится не на правильной стороне, а больше поддерживает КПК, чем КПСС.

Для таких выводов у него уже были довольно веские основания. Так, например, в справке, подготовленной в это время в посольстве СССР в ДРВ и направленной в центр, отмечалось, что «в плане политическом между ДРВ и КНР существуют тесные контакты. В 1959 г. тов. Хо Ши Мин неоднократно посещал Пекин, где встречался с тов. Мао Цзэ-дуном, Лю Шао-ци, Чжоу Эньлаем и др. В результате этих встреч и переговоров в феврале 1959 г. был подписан целый ряд соглашений, имеющих важное значение в плане политического и экономического сотрудничества» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 30. Д. 20. Л. 47–52]. В документе также указывалось, что между ЦК ПТВ и ЦК КПК «имеют место постоянные связи, осуществляемые путем консультаций и предоставлением необходимой информации». Но что больше всего могло расстроить советского руководителя, так это замечание о том, что «при проведении социалистических преобразований вьетнамские друзья в большей степени используют опыт КНР..., что ежегодно Китай посещают 70–100 вьетнамских делегаций» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 30. Д. 20. Л. 47–52].

Говорилось в документе еще и о том, что Китай — первый по значимости торговый партнер ДРВ, что почти 100 вьетнамских студентов там обучаются, что все мало-мальски серьезные решения вьетнамские товарищи согласовывают с китайскими друзьями [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 30. Д. 20. Л. 47–52]. Нет сомнений, что такая информация только усиливала скепсис советского лидера относительно возможности влиять на политику ДРВ и ПТВ. Не исключено, что он вообще решил для себя, что конкурировать с Китаем на этом поле вообще бессмысленно.

Но, с другой стороны, он должен был отдавать себе отчет в том, что все эти связи с Китаем налаживались и развивались при полной поддержке Москвы, и ничего неожиданного и криминального во всех этих многообразных отношениях не было. Дело в том, что еще в декабре 1949 г. на одной из встреч между И. В. Сталиным и Мао Цзэдуном советский вождь, указав на культурную и историческую близость Китая и Вьетнама, сказал своему собеседнику относительно вьетнамских

дел буквально следующее: «Разбирайтесь сами, а мы, если будет необходимо, вас поддержим, поможем, но Вы нас регулярно информируйте» [Ильинский, 2005, с. 16]. Уже после ухода И. В. Сталина, в 1954 г., формируя советскую политику в Азии, председатель Совета министров СССР Г. М. Маленков на встрече с премьером ДРВ Фам Ван Донгом, выслушав его просьбу об оказании помощи, по воспоминаниям М. С. Капицы, занимавшего тогда пост советника-эксперта Дальневосточного отдела МИД СССР, стал рассуждать в том духе, что «появление новых государств народной демократии требует больших усилий и средств, одному Советскому Союзу это не по плечу, поэтому было бы целесообразно разделить функции между СССР и КНР. Советский Союз заботился бы об укреплении социализма и народной демократии в Европе, а Китай — в Юго-Восточной Азии» [Капица, 1996, с. 269]. Из этого следует, что советское руководство не просто было согласное, оно выступало за то, чтобы усилить и развить влияние китайских коммунистов в Азии и, в частности, в ДРВ. С 1954 г. неформально, но реально вьетнамские дела находились в сфере ответственности прежде всего китайских друзей [Наумкин, 2022], которые тогда по версии министра иностранных дел В. М. Молотова совместно с СССР возглавляли социалистический лагерь [Рябенко, 1998, с. 54]. Так что очевидно, что тесные связи ПТВ с КПК были фактически одобрены и санкционированы в Москве. Но дело в том, что такая ситуация устраивала Н. С. Хрущева до тех пор, пока советско-китайские отношения носили дружественный и тесный характер, когда же обозначились конфликты и противоречия, существовавшее в ЮВА статус-кво уже не могло устраивать Москву.

Из сложившегося расклада сил, масштаба контактов и связей ПТВ и КПК советский лидер, не погружаясь в сложную историю вьетнамо-китайских отношений, мог сделать вполне однозначный вывод о том, что руководство вьетнамских коммунистов самым тесным образом связано с КПК и в разгоравшейся дискуссии явно будет не на его стороне, а на стороне Пекина. Как справедливо отмечал Кристофер Гоша — известный канадо-американский историк, специализировавшийся на изучении истории «холодной войны» в Азии, «с 1950 г. вьетнамские коммунисты уже импортировали марксизм-ленинизм и в изрядной степени маоизм, чтобы структурировать партийное государство, настроить определённым образом верную бюрократию и новую военную касту и преобразовать общество и экономику по коммунистическому шаблону» [Goscha, 2016, p. 291]. А по мнению Нгуен Лиен Ханга, еще одного известного в этой сфере вьетнамо-американского автора, «Пекин имел большее влияние на политику Ханоя, чем Москва» из-за сильной зависимости Северного Вьетнама от китайской помощи [Nguyen, Lien-Hang. 2012, p. 41–42].

Но если поставить вопрос о преимущественной ориентации вьетнамского руководства на Китай несколько иначе и рассмотреть, как это воспринималось в Ханое, то будет очевидным, что правящие круги в ПТВ постоянно стремились найти в СССР некий контрбаланс своим отношениям с Китаем и были крайне заинтересованы в сохранении контактов с Москвой. С этой точки зрения в Ханое не вполне понимали скепсис и индифферентность советского лидера, какие «красные линии» они переступили и почему сложилась такая странная ситуация, почему то, что раньше углубление связей с Китаем считалось нормальным, рассматривалось как позитивное действие и не вызывало никакого протеста, превратилось в один из «каменей преткновения» в отношениях с СССР.

С точки зрения Н. С. Хрущева близость к Китаю и тесные с ним связи рассматривались как свидетельство поддержки линии Мао в коммунистическом движении и отхода от позиции Москвы. В Кремле, к сожалению, даже не замечали, что во внутренней политике ПТВ следует не китайскому, а советскому опыту административного строительства. Известный китайский историк Цян Чжай отмечал, что «обожжённые опытом земельной реформы, Хо Ши Мин и его коллеги в конце 1950-х годов постепенно отошли от маоистской модели массовой мобилизации, классовой борьбы и непрерывной революции в сторону советской модели централизации и управленческого контроля» [Zhai,

2000, р. 76]. Уже один этот факт мог бы изменить позицию советского лидера. Но он то ли этого не замечал, то ли не хотел замечать, скорее всего, именно по инициативе Н. С. Хрущева ДРВ перестали считать первостепенной с точки зрения близости и союзничества, заметно ограничили взаимные связи и стали переводить отношения с ней на периферию советской внешней политики. Исходя из такой тенденции, Москва и стала в начале 60-х годов выстраивать свои отношения с Ханоем.

С точки зрения советского руководства приоритет Китая в отношениях с ДРВ был несправедлив, так как по вопросам помощи и содействия СССР ни в чем не уступал, а даже превосходил КНР. Например, в сфере военной помощи — во второй половине 50-х Северный Вьетнам получил ее в общей сложности в объеме 49 585 т: 29 996 т от Советского Союза, 22 982 т от Китая и 441 т от других социалистических стран [Lê Văn Thịnh, 2012, р. 48–55]. В период с 1955 по 1960 г. Китай предоставил ДРВ финансовые средства в размере 1,2 млрд юаней, из которых безвозмездная помощь составила 900 млн юаней (800 млн в 1955 г. и 100 млн в 1959 г.); 300 млн были предоставлены в качестве долгосрочного кредита в 1959 г. Из 1,2 млрд юаней 638 млн было использовано на экономическое развитие и 262 млн — на военные расходы [Косал, 2021, с. 92]. За период 1955–1960 гг. советская помощь Северному Вьетнаму составила 560 млн руб. (около 0,5 млрд долл.), в том числе 530 млн — экономическая и 30 млн — военная помощь, что составляет 35% общей безвозмездной помощи и кредитов от социалистического блока [Там же, с. 93]. Размер безвозмездной помощи и займов превысил 300 млн руб. По семи соглашениям с 1955 по 1960 г. Москвой было предоставлено кредитов в размере 208 млн руб. [Там же, с. 92]. Из всех этих данных следует, что с точки зрения всех видов помощи Китай ни в чем не превосходил СССР, тем не менее политическое влияние СССР сильно уступало китайскому.

Но и этот тезис, а скорее даже некий стереотип, даже для рубежа 50-х и 60-х годов можно поставить под сомнение. Да, ориентация на Китай была несомненной, поддержка китайской позиции в споре с КПСС очевидной, но в то же время можно найти массу примеров, когда не китайская, а именно советская точка зрения учитывалась при подготовке важных партийных решений и документов. Один из наиболее очевидных примеров — пересмотр уже готовых партийных решений на состоявшемся в сентябре 1960 г. III съезде ПТВ. По сведениям И. Гайдук, руководство ДРВ собралось на этом съезде открыто высказаться за вооруженный путь объединения страны, в Москве это восприняли с удивлением и недовольством. Советское руководство заявило, что это будет означать объявление войны сайгонскому режиму и что страны СЕАТО могут воспринять такое заявление как косвенную агрессию и вмешаться в войну. Вместо этого СССР предлагал ограничиться моральной поддержкой южновьетнамского населения и продолжить строить социализм на Севере [Gaiduk, 2003, р. 114]. В подтверждение этой версии И. Гайдук приводит телеграмму, посланную ЦК КПСС и Президиумом Верховного Совета СССР Хо Ши Мину по случаю его 70-летия от 18 мая 1960 г., где говорилось о мирном демократическом объединении Вьетнама [Ibid, р. 115]. Именно этот текст, сформулированный в Москве, нашел отражение в документах съезда. В них ни о каком вооруженном пути объединения страны речи не идет. Основным содержанием генеральной линии партии названы были задачи строительства социализма в Северном Вьетнаме и борьба за мирное объединение страны. Это как раз было именно то, чего и добивалось советское руководство [Огнетов, 2008, с. 73].

Еще надо отметить, что на самом съезде вопросы вооруженной борьбы на Юге особо не поднимались и оставались на периферии его работы. Однако в отчетном докладе ЦК ПТВ III съезду говорилось, с одной стороны, о необходимости «...бороться за соблюдение Женевских соглашений», что коррелировалось с рекомендациями Москвы, но с другой — выдвигалась задача «освободить Южный Вьетнам от реакционного господства американских империалистов и их

приспешников» и отмечалось, что «...наш народ должен усилить революционную борьбу в Южном Вьетнаме» (цит. по: [Тихонов, 2008, с. 173]), что отражало позицию Китая. Мы видим, таким образом, что в Ханое стремились балансировать между Москвой и Пекином и не складывать все «яйца в одну корзину». К сожалению, в Москве такую стратегию вьетнамских друзей не все правильно понимали и оценивали.

На этом съезде Ле Зуан выдвинул идею создания на Юге широкого общественного фронта всех враждебных Нго Динь Дьему (так в тексте — *Д.М.*) сил [Дивильковский, Огнетов, 1978, с. 188]. Именно этот фронт должен был стать политическим представителем оппозиционных сайгонскому режиму партий и групп населения и в случае отказа от переговоров возглавить военно-политическую борьбу за свержение сайгонского режима. Появление этого фронта как раз и шло в русле советов из Москвы относительно развертывания политической борьбы, хотя очевидна была его полная зависимость от ДРВ и позднее он не столько выступал от лица южновьетнамского населения, сколько служил удобным «зонтиком», под защитой которого могли развернуться регулярные части северовьетнамских войск, замаскированных под южновьетнамских партизан.

Так что говорить о том, что советское влияние практически отсутствовало или было крайне незначительным, не совсем верно. Именно под влиянием Москвы руководство ПТВ не просто сделало ставку на вооруженную борьбу, а пыталось политически маневрировать, стараться сочетать все виды борьбы. Кстати, именно о таком подходе как раз и свидетельствует резолюция съезда о поддержке коммунистов на Юге, которая некоторыми авторами рассматривается как доказательство предпочтения чисто военных методов борьбы. На самом деле там говорилось о примате именно политических методов борьбы, военные выступали как крайний случай для защиты революционных баз. Вообще на съезде торжествовала повестка Москвы, то есть главные цели — политическая борьба на Юге и ускоренное развитие экономики Севера.

О том, что в Москве оценили «правильный» настрой руководства ПТВ, свидетельствует тот факт, что после подведения итогов съезда поток советской помощи стал быстро увеличиваться. Еще до съезда в июне 1960 г. СССР предоставил ДРВ ссуду в 350 млн руб., а 23 декабря 1960 г. было подписано советско-вьетнамское Соглашение об оказании экономического и технического содействия ДРВ в осуществлении плана развития народного хозяйства на 1961–1965 гг. По этому соглашению СССР предоставил ДРВ долгосрочный кредит в 430 млн руб. и 20 млн руб. безвозмездно для борьбы с малярией [Gaiduk, 2003, p. 31].

Хрущев — Хо Ши Мин: спор о кризисе мирового коммунизма

Успех советской повестки на III съезде ПТВ можно объяснить еще и тем, что неожиданно и Китай на съезде занял довольно близкую к Москве позицию в отношении перспектив развития ситуации на Юге Вьетнама. Премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай сказал тогда, что Южный Вьетнам должен быть освобожден и что сделано это должно быть при помощи комбинации политической и вооруженной борьбы [Ibid, p. 47]. Особый вес поддержке Китая придавало то, что он в 1960 г. обеспечил 52,9% от всей помощи социалистических стран [Burnham, 1967, p. 188].

Как мы видим, вьетнамскому руководству удалось в 1960 г. найти баланс советских и китайских интересов и получать помощь и от Москвы, и от Пекина. Однако надо признать: не все у него получалось, иногда руководство ДРВ делало буквально фатальные ошибки, отторгая от себя важнейших союзников. Я имею в виду известное письмо Хо Ши Мина, направленное в адрес Н. С. Хрущева, в котором вьетнамский лидер на правах старого коммуниста еще коминтерновского призыва попытался вмешаться с самыми лучшими намерениями и советами в разгоравшийся конфликт

КПСС с китайскими товарищами, а если говорить точнее, то в споры между Н. С. Хрущевым и Мао Цзэдуном.

Эта проблема его сильно волновала, он видел страшные угрозы делу всей своей жизни — борьбе за победу коммунизма и уничтожение капитализма и империализма из-за углубления разрушительного для коммунистического движения противостояния. В связи с этим 22 июня 1960 г. он пригласил к себе временного поверенного в делах СССР в ДРВ Н. Н. Годунова, и тот позже записал в своем дневнике, что «сегодня т. Хо Ши Мин пригласил меня и продиктовал текст письма, адресованного т. Н. С. Хрущеву, которое он тут же подписал. Президент просил передать данное письмо адресату». Затем, как пишет советский дипломат, «Тов. Хо Ши Мин коротко пояснил причины, вынудившие его обратиться с соответствующими предложениями к ЦК КПСС и ЦК КПК. Нам известно, сказал он, что по ряду кардинальных вопросов, таких, например, как проблема мирного сосуществования двух различных социально-экономических систем, пути строительства социализма и коммунизма, вопрос о всеобщем и полном разоружении, существуют расхождения во взглядах между КПСС и КПК. В настоящее время и при сложившейся международной обстановке это различие точек зрения может повлечь за собой серьезные последствия, тем более что дискуссия уже ведется открыто на страницах партийной печати». Далее Хо Ши Мин отметил, что «в капиталистических странах уже пытаются раздуть эти разногласия и тем самым подорвать единство нашего лагеря. Я считаю, — указал вьетнамский лидер, — что необходимо в наших общих интересах предотвратить открытую дуэль, которая кроме вреда ничего не принесет. Чем скорее это будет сделано, тем будет лучше. Видимо, прежде чем созвать совещание всех братских коммунистических и рабочих партий, ЦК КПСС и ЦК КПК должны совместно обсудить существующие спорные вопросы в ходе совместной встречи и прийти к общему согласию. У нас в партии, — заметил тов. Хо Ши Мин, — уже имеют место в связи с этими разногласиями недоуменные вопросы, но мы стараемся предотвратить их постановку и призываем членов ПТВ подождать и не делать никаких скороспелых выводов» [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 23. Д. 6. Л. 160–162].

Весь этот текст беседы чрезвычайно интересен и показывает Хо Ши Мина и как убежденного коммуниста, и как политика, который стремится предотвратить раскол коммунистического движения. Особый интерес вызывает его фраза о том, что в партии «задают недоуменные вопросы». Он не уточняет, относительно политики кого именно из коммунистических лидеров партийные кадры ПТВ испытывают недоумение, но безо всякого уточнения понятно, что речь шла о Первом секретаре ЦК КПСС, так как его политика сдерживания ДРВ, развенчания культа Сталина и отход от ортодоксального марксизма вызывала критику и протесты в рядах вьетнамских коммунистов. По воспоминаниям И. А. Огнетова, многие высокопоставленные вьетнамские деятели обвиняли именно Н. С. Хрущева и его политику в расколе с КПК и начале разделившего коммунистический мир конфликта.

Важно выяснить еще и то, почему Хо Ши Мин написал это письмо, справедливо предполагая, что оно неизбежно вызовет обострение и без того его сложных отношений с советским лидером. Здесь мне видится образ коммуниста еще ленинского призыва, старого коминтерновца, для которого нет национальных границ и отдельных партий, а есть всемирная коммунистическая организация, которой грозит разрушение. При всей его любви к родному Вьетнаму он не мог поступить иначе, так как всю жизнь посвятил борьбе за победу коммунизма, строил мировую коммунистическую систему и не мог, спокойно стоя в стороне, смотреть, как она идет под откос. Поэтому он поставил вопрос единства мирового коммунизма выше сиюминутных отношений Ханоя и Москвы, понимая, что если удастся переломить тенденцию к конфликту и укрепить единство коммунистического движения, то и проблемы в отношениях Москвы и Ханоя исчезнут как бы сами по себе.

Но в данном конкретном случае его попытка повлиять на Н. С. Хрущева и намекнуть ему на его ошибки и просчеты, необходимость поиска компромиссов с Мао ради восстановления единства коммунистов ни к чему хорошему для Хо Ши Мина и ДРВ не могла привести. Судя по всему, Н. С. Хрущев был твердо уверен в своей правоте, видел себя мировым лидером коммунизма, не переносил любую критику в свой адрес, особенно от бывшего коминтерновца с неясными связями в прошлом. Он даже представить себе не мог свою неправоту, то, что действовал на достижение своих политических целей без учета объективных факторов, мнения окружающих, собственных возможностей и вероятных последствий. История показала, что прав оказался именно Хо Ши Мин, что советский лидер произвольно, без серьезного обсуждения с представителями мирового коммунизма ревизовал ортодоксальную марксистскую доктрину, включив в нее концепцию «мирного сосуществования» и фактически исключив из нее идею мировой революции. Все это (кстати, его мемуары тоже — *Д.М.*) показывает, что Н. С. Хрущев был не очень хорошо образованным человеком, не любил теорию, выступал по жизни чистым практиком, но его практика подчас мало соотносилась с классическим марксизмом.

Как и можно было предположить, Н. С. Хрущев так и не ответил Хо Ши Мину и отказался от выполнения его главного предложения — провести закрытые консультации и дискуссии с представителями КПК и постараться найти компромисс. Скорее всего, он думал, что письмо написано по рекомендации китайских товарищей, и в этой связи еще более укрепился в своей неприязни к вьетнамскому лидеру, а значит, и к ПТВ в целом. Кстати, после этого письма он встретился с Хо Ши Мином лишь только один раз в Пицунде, где они провели две содержательные беседы 17 и 19 августа, причем обе прошли по инициативе Хо Ши Мина, который при начале беседы 17 августа сказал советскому лидеру, что «главное, что заставило меня приехать в Советский Союз, так это албанский вопрос. Эту поездку я предпринял по своей инициативе» [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 125–141].

До этого момента, когда он определил для Н. С. Хрущева цель беседы, он терпеливо слушал, как советский руководитель выкладывал свои обиды и претензии к албанскому руководству — и советские подводные лодки, стоявшие в порту Влера, захватили, и промосковских людей в руководстве убили, ведут себя, особенно Мехмет Шеху, просто по-бандитски и вообще они превратились в орудие китайцев, направленное на СССР. Несмотря на очевидное раздражение и даже ярость своего собеседника относительно действий руководства Албанской партии труда (АПТ), Хо Ши Мин как один из последних паладинов — защитников общего коммунистического пространства попытался защитить албанских товарищей. Он сказал, что «мы все признаем, что в единстве стран социалистического лагеря большая сила. До последнего времени Албания была членом этой большой социалистической семьи. Если же Албания будет публично исключена из этого содружества, то это ляжет на нас черным пятном. Албания — малая страна, самая малая в большой семье социалистических народов. Признано, что СССР является главой социалистической семьи. И если руководствоваться семейными чувствами, то старший брат должен помогать младшему брату, защищать его, прощать его ошибки. Если Албания будет исключена из содружества социалистических стран, то ее легко могут проглотить империалисты. От этого пострадает албанский народ. Можем ли мы допустить, чтобы из-за ошибок отдельных людей страдал весь народ?

Далее Хо Ши Мин провел параллель с Вьетнамом. Он сказал, что «наша страна — Вьетнам и партия ПТВ — малые. С точки зрения географического положения мы имеем много общего с Албанией. Рядом с нами есть враги, которые готовы проглотить нас. И если бы мы представили на минуту, что с нами нет Советского Союза, то что бы тогда стало с нашей родиной?»

Несомненно, отметил он, «албанские руководители допустили ошибки, но албанский народ их не совершал. Не допускаете ли Вы такой мысли, что можно критиковать албанских руководителей и в то же время помогать албанскому народу?.. Вот почему я обращаюсь к Вам с призывом проявить снисходительность. Я хочу только одного: чтобы на общей картине прекрасных успехов не было темных пятен и чтобы албанский народ не страдал из-за плохих руководителей. Возможно, я выступаю адвокатом по очень нехорошему делу. Но я верю в величие старшего брата. Очень важно, чтобы натиску империализма мы противопоставили монолитное единство социалистической семьи. Это особенно необходимо теперь, когда Албания уподобилась кошке, которая угрожает тигру. И когда тигр извинит кошку, то от этого он еще больше возвеличится. Именно это и заставило меня проделывать к Вам многотысячный путь» [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 125–141].

В ответ Н. С. Хрущев довольно жестко осадил Хо Ши Мина. Он спросил его: «Просила ли Вас Албания предпринять такой демарш? Если она не просила, тогда как же быть? Допустим, что мы изменим наше отношение к албанским руководителям, а они после скажут, что не желают дружить с Советским Союзом. В каком положении мы тогда окажемся?» Далее он обвинил Хо Ши Мина в том, что его позиция «сильно походит на христианскую догму непротивления злу насилием: когда тебя бьют в одну щеку, подставляя другую». Хо Ши Мин отвечает, что это его позиция и что «если бы албанские товарищи слушали меня, они не совершили бы таких проступков. Думаю, что я, как старый коммунист, должен выступить в роли примирителя. Хотя я почти уверен, что албанские руководители меня не поймут» [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 125–141].

В завершение беседы 17 августа Н. С. Хрущев решил показать, что его не убедили доводы вьетнамского лидера в защиту Албании, и сказал Хо Ши Мину, что «теперешние дела албанских руководителей несовместимы со званием коммунистов. Не исключено, что они не те, за кого себя выдают. Поезжайте к ним, выслушайте их мнение. Они, наверное, скажут, чего они хотят» [РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 125–141]. В этих словах советского лидера слышится предупреждение товарищу Хо, что он защищает не коммунистов, а скорее пособников империалистов и врагов СССР. Тем не менее во время следующей беседы, состоявшейся там же, в Пицунде, 19 августа, после обсуждения вопросов, связанных с ситуацией в Южном Вьетнаме, где Хо Ши Мин был оптимистичен в отношении перспектив роста революционного движения, он сообщил своему собеседнику, что крестьяне массово поддерживают коммунистов, рассказал о зверствах режима Нго Динь Зьема и о вынужденном вооруженном ответе на эти действия, и вновь, несмотря на очевидное нежелание Н. С. Хрущева, вернулся к албанскому вопросу.

Хо Ши Мин предложил советскому лидеру посмотреть условия примирения с албанцами, которые он сформулировал на основе их разговора 17 августа. Н. С. Хрущев в целом их одобрил, но дальше после обсуждения роли Китая в Албании неожиданно посоветовал своему собеседнику обращаться не к нему, а совсем по другому адресу. «Вам надо говорить с тов. Мао Цзэдуном, — сказал Н. С. Хрущев, — ибо, по правде говоря, вопрос о нашей дружбе с Албанией решается не в Тиране, а в Пекине» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 560. Л. 141–150].

Очевидно, что Хо Ши Мин проделал огромный путь в Москву и в Пицунду совсем не для такого ответа. К его разочарованию, Н. С. Хрущев отказался даже вступать в дискуссию, он уже сформировал свое мнение по албанскому вопросу и не собирался даже его обсуждать. Более того, когда речь пошла о конкретных условиях примирения КПСС с албанскими коммунистами, которые сформулировал и предложил советскому лидеру Хо Ши Мин, Н. С. Хрущев фактически отстранился от решения вопроса, переадресовав эти условия для представления в Пекин. Он даже не понимал, что таким ответом полностью дискредитирует себя как лидера мирового коммунизма, что для товарища Хо и старого коммуниста, как он сам себя называл, было особенно печально, так как он

убедился в нежелании Н. С. Хрущева решать накопившиеся проблемы и конфликты и поддерживать единство коммунистического движения. Кроме того, он увидел, что отношение Н. С. Хрущева к политике албанского руководства во многом напоминало его отношение к советско-вьетнамским связям — советский лидер сформировал свою позицию, и никакие доводы не могли его с этой позиции сдвинуть. Проблема Н. С. Хрущева заключалась в том, что он во многих случаях очень упрощал ситуацию, искал наиболее элементарные и очевидные мотивы тех или иных событий, не всегда понимал и воспринимал ситуацию во всей ее полноте. Он проходил мимо возможных компромиссов, не учитывал отдаленные последствия своих действий, был очень самонадеян и подчас груб.

Скорее всего, он просто не понимал тех опасений и тревог, которые испытывал Хо Ши Мин относительно будущего мирового коммунизма: они находились в разных мирах и хоть общались на русском языке, но получалось, что говорили на разных языках — вьетнамский лидер рассуждал о глобальных задачах строительства нового общества, о важности сохранения единства мирового коммунизма, а Н. С. Хрущев говорил о возмущавших его обидах и «плохом поведении» тех или иных коммунистических лидеров. Вьетнамский лидер, видимо, казался ему каким-то странным человеком из прошлого, из 30-х годов, ортодоксальным коммунистом, хотя на самом деле Хо Ши Мин был реалистом, говорил и заботился о будущем мирового коммунизма, которое на его глазах превращалось в вереницу бесконечных споров, обид и столкновений, что подрывало его способность противостоять мировому капитализму и ставило под вопрос возможность достижения объявленных еще классиками целей.

Судя по последующим событиям, несмотря на все усилия и доводы Хо Ши Мина, никакого изменения позиции советского вождя не произошло. Более того, как считает А. С. Стыкалин в своей рецензии на монографию И. В. Селиванова «Советский Союз и Вьетнам: “Балканский вектор” в их отношениях при Сталине, Хрущеве и Брежневе», «стремление Хо Ши Мина заступиться за албанцев едва ли не стало фактором, подтолкнувшим импульсивного Хрущева к дальнейшей эскалации конфликта с Тираной» [Селиванов, 2024].

Интересно в этой беседе еще и то, что кроме темы Албании Н. С. Хрущев говорил о Китае и китайских реформах в сельском хозяйстве и посоветовал Хо Ши Мину «не создавать во Вьетнаме коммун и не увлекаться гигантоманией в кооперативном строительстве». В ответ Хо Ши Мин сообщил, что «сейчас в ДРВ кооперировано 85% крестьянских семей и в среднем в кооперативе от 50 до 200 семей». Тем самым он сообщил Н. С. Хрущеву важную информацию — во Вьетнаме не идут по китайскому пути в сельскохозяйственном строительстве, но советский лидер даже не обратил на этот факт никакого внимания. После этого Н. С. Хрущев, как записано в стенограмме, вновь обещал посетить Вьетнам, а Хо Ши Мин в очередной раз благодарил за помощь в поставках продовольствия из-за неурожая в 1960 г. и желал Н. С. Хрущеву доброго здоровья [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 560. Л. 141–150].

Несмотря на такой, скажем так, добрый финал двухдневных интенсивных бесед, Н. С. Хрущев был явно недоволен своим собеседником, так как убедился в нежелании Хо Ши Мина однозначно согласиться с его мнением относительно албанского руководства. Более того, он фактически выступил в защиту албанских коммунистов от его критики. Для советского лидера, давно отвыкшего от свободной дискуссии, все это было абсолютно неприятно и неприемлемо. Поэтому беседа в Пицунде стала «последней каплей» в его и без того сложных отношениях с лидером Вьетнама. Больше он с Хо Ши Мином никогда не встречался.

Литература / References

АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 102–107. Подлинник. Машинописный текст, подпись — автограф Л. И. Соколова. Еще один экз. см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 247. Л. 100–105. Запись беседы посла СССР в ДРВ Л. И. Соколова с секретарем ЦК ПТВ Ле Зуаном 15 апреля 1959 г. о развитии национально-демократического движения в Южном Вьетнаме и ведении там «вооруженной пропаганды». 24 апреля 1959 г. Ханой. 24 апреля 1959 г. [AVP of the Russian Federation. F. 079. Op. 14. P. 23. D. 5. L. 102–107. Original. Typewritten text, signature — autograph of L. I. Sokolov. Another copy can be found at: RGANI. F. 5. Op. 49. D. 247. L. 100–105. Record of a conversation between L. I. Sokolov, the Soviet Ambassador to the Democratic Republic of Vietnam, and Le Duan, Secretary of the Central Committee of the Communist Party of Vietnam, on April 15, 1959, about the development of the national-democratic movement in South Vietnam and the use of “armed propaganda” there. April 24, 1959. Hanoi, April 24, 1959 (in Russian)].

Дивильковский С. И., Огнетов И. А. *Путь к победе. Очерк борьбы за национальную независимость, единство, мир и социализм во Вьетнаме (1945–1976 гг.)*. М.: Политиздат, 1978 [Divilkovsky S. I., Ogetov I. A. *The Way to Victory. An Essay on the Struggle for National Independence, Unity, Peace, and Socialism in Vietnam (1945–1976)*. Moscow: Politizdat, 1978 (in Russian)].

Докладная записка заместителя заведующего Отделом Юго-Восточной Азии МИД СССР М. А. Максимова заместителю министра иностранных дел СССР Г. М. Пушкину о необходимости установления отношений с Южным Вьетнамом. 20 марта 1959 г. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 24. Д. 13. Л. 38–39 [Report by M. A. Maksimov, Deputy Head of the Southeast Asia Department of the USSR Ministry of Foreign Affairs, to G. M. Pushkin, Deputy Minister of Foreign Affairs of the USSR, on the need to establish relations with South Vietnam. March 20, 1959. Russian Foreign Ministry Archives. F. 079. Op. 14. P. 24. D. 13. L. 38–39 (in Russian)].

Запись беседы первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева с президентом ДРВ Хо Ши Мином о ходе выполнения Женевских соглашений. 17 июля 1957 г. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 74–78 [Record of a conversation between Nikita Khrushchev, First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union, and Ho Chi Minh, President of the Democratic Republic of Vietnam, about the implementation of the Geneva Accords. July 17, 1957. RGANI. F. 52. Op. 1. D. 555. L. 74–78 (in Russian)].

Запись беседы первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета министров СССР Н. С. Хрущева с президентом ДРВ Хо Ши Мином о международном положении, противостоянии двух систем, конфликт СССР с Албанией. 17 августа 1961 г. (Питунда, 17 августа 1961 г. РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 125–141 [Record of a conversation between Nikita Khrushchev, First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and Chairman of the Council of Ministers of the USSR, and Ho Chi Minh, President of the Democratic Republic of Vietnam, about the international situation, the confrontation between the two systems, and the conflict between the Soviet Union and Albania. August 17, 1961 (Pitsunda, August 17, 1961. RGANI. F. 52. Op. 1. D. 555. L. 125–141 (in Russian)].

Запись беседы первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета министров СССР Н. С. Хрущева с президентом ДРВ Хо Ши Мином о положении в Индокитае и создании национального фронта освобождения Южного Вьетнама. 19 августа 1961 г. (Питунда, 19 августа 1961 г. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 64. Д. 560. Л. 141–150) [Record of a conversation between Nikita Khrushchev, First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and Chairman of the Council of Ministers of the USSR, and Ho Chi Minh, President of the Democratic Republic of Vietnam, about the situation in Indochina and the creation of the National Front for the Liberation of South Vietnam. August 19, 1961 (Pitsunda, August 19, 1961. RGANI. F. 3. Op. 64. D. 560. L. 141–150 (in Russian)].

Запись беседы посла СССР в ДРВ Л. И. Соколова с президентом ДРВ Хо Ши Мином 16–17 и 19 января 1959 г. о встрече первого заместителя председателя Совета министров СССР А. И. Микояна с госсекретарем США Дж. Ф. Даллесом и назревании революционного положения в Южном Вьетнаме. 21 января 1959 г. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 22–25. Еще один экз. см.: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 49. Д. 247. Л. 9–12. [Record of a conversation between L. I. Sokolov, Ambassador of the USSR to the Democratic Republic of Vietnam, and President Ho Chi Minh of the Democratic Republic of Vietnam on January 16–17 and 19, 1959, about a meeting between A. I. Mikoyan, First Deputy Chairman of the Council of Ministers of the USSR, and U. S. Secretary of State John F. Dulles, and the brewing revolutionary situation in South Vietnam. January 21, 1959. AVP of the Russian Federation. F. 079. Op. 14. P. 23. D. 5. L. 22–25. For another copy, see: RGANI. F. 5. Op. 49. D. 247. L. 9–12 (in Russian)].

Запись беседы посла СССР в ДРВ Л. И. Соколова с премьер-министром ДРВ Фам Ван Донгом 26 мая 1959 г. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 14. П. 23. Д. 5. Л. 123–126 [Record of a conversation between L. I. Sokolov, Ambassador of the USSR to the Democratic Republic of Vietnam, and Prime Minister of the Democratic Republic of Vietnam Pham Van Dong on May 26, 1959. Russian Foreign Ministry. F. 079. Op. 14. P. 23. D. 5. L. 123–126 (in Russian)].

Запись беседы посла СССР в ДРВ Л. Н. Соколова с президентом ДРВ Хо Ши Мином 4 января 1960 г. о возможном визите Н. С. Хрущева в Ханой и о военном перевороте в Лаосе. 6 января 1960 г. [АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 23. Д. 6. Л. 1–3. Подлинник Record of a conversation between L. N. Sokolov, Ambassador of the USSR to the Democratic Republic of Vietnam, and President Ho Chi Minh of the Democratic Republic of Vietnam on January 4, 1960, about a possible visit by Nikita Khrushchev to Hanoi and the military coup in Laos. January 6, 1960. AVP of the Russian Federation. F. 079. Op. 15. P. 23. D. 6. L. 1–3. Original (in Russian)].

Зусманович Дмитрий. *Советско-американские отношения и война во Вьетнаме. 1964–1968 гг.* М.: «Алгоритм», 2016 [Zusmanovich Dmitry. *Soviet-American Relations and the Vietnam War. 1964–1968.* Moscow: Algorithm, 2016 (in Russian)].

Ильинский М. М. *Вьетнамский синдром. Война разведок.* М.: Яуза, 2005 [Ilyinsky M. M. *The Vietnam Syndrome. Intelligence Warfare.* Moscow: Yauza, 2005 (in Russian)].

Капица М. С. *На разных параллелях. Записки дипломата.* М.: Книга и бизнес, 1996 [Kapitsa M. S. *On Different Parallels. Notes of a Diplomat.* M.: Kniga i biznes, 1996 (in Russian)].

Локшин Г. М. 40 лет победы вьетнамского народа. *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития.* 2015. Выпуск XXVI. № 26. С. 138–155 [Lokshin G. M. 40 Years of the Victory of the Vietnamese People. *Southeast Asia: Current Development Issues.* 2015. Issue. XXVI. No. 26. P. 138–155 (in Russian)].

Наумкин В. В. «Силам социализма выгодно, чтобы американцы покрепче завязли в Юго-Восточной Азии». Президиум ЦК КПСС и определение стратегической линии СССР во Второй индокитайской войне в 1965 году. *Восток (Oriens).* 2022. Вып. 6. С. 6–28 [Naumkin V. V. “It is beneficial for the forces of socialism that the Americans become more deeply entangled in Southeast Asia.” The Presidium of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and the definition of the USSR’s strategic line in the Second Indochina War in 1965. *Vostok (Oriens).* 2022. Issue 6. P. 6–28 (in Russian)].

Огнетов И. А. Воссоединенный Вьетнам: первое десятилетие трудных поисков и решений. *Восток. Афро-азиатские общества: История и современность.* 2008. № 6. С. 73–85 [Ognetov I. A. Reunited Vietnam: the First Decade of Difficult Searches and Solutions. *Vostok.* 2008. No. 6. P. 73–85 (in Russian)].

Пат Косал. Экономическая и техническая помощь Китая и СССР Северному Вьетнаму, 1955–1960. *Вьетнамские исследования.* Серия 2. 2021. № 1 [Pat Kosal. Economic and Technical Assistance of China and the USSR to North Vietnam, 1955–1960. *Vietnam Studies.* Series 2. 2021. No. 1. С. 92–93 (in Russian)].

РГАНИ. Ф. 52. Оп. 1. Д. 555. Л. 89–92. Подлинник. *Запись беседы первого секретаря ЦК КПСС, председателя Совета министров СССР Н. С. Хрущева с президентом ДРВ Хо Ши Мином об обстановке в Лаосе и отношениях СССР с ОАР. 3 июля 1959 г.* [RGANI. F. 52. Op. 1. D. 555. L. 89–92. Original Record of a conversation between Nikita Khrushchev, First Secretary of the Central Committee of the Communist Party of the Soviet Union and Chairman of the Council of Ministers of the USSR, and Ho Chi Minh, President of the Democratic Republic of Vietnam, about the situation in Laos and the USSR’s relations with the United Arab Republic. July 3, 1959 (in Russian)].

Рябченко Н. П. Советско-китайский конфликт. 60-е — начало 80-х годов. *Россия и АТР*. 1998. № 2. С. 50–63 [Ryabchenko N. P. The Soviet-Chinese Conflict. 1960s-early 1980s. *Russia and the Asia-Pacific Region*. 1998. No. 2. P. 50–63 (in Russian)].

Селиванов И. В. *Советский Союз и Вьетнам: “Балканский вектор” в их отношениях при Сталине, Хрущеве и Брежнев*. СПб.: Алетея, 2024 [Selivanov I. V. *The Soviet Union and Vietnam: The “Balkan Vector” in Their Relations under Stalin, Khrushchev, and Brezhnev*. St. Petersburg: Aleteia, 2024 (in Russian)].

Сов. секретно из дневника временного поверенного в делах СССР в ДРВ Годунова Н. И. запись беседы с тов. Хо Ши Мином. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в ДРВ Н. Н. Годунова с Хо Ши Мином 22 июня 1960 г. о разногласиях КПСС и КПК и о положении в Лаосе. 6 июля 1960 г. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 23. Д. 6. Л. 160–162 [Top Secret From the diary of the USSR Chargé d’Affaires in the DRV, N. I. Godunov, a record of a conversation with Comrade Ho Chi Min. A record of a conversation between the USSR Chargé d’Affaires in the DRV, N. N. Godunov, and Ho Chi Min on June 22, 1960, about the disagreements between the CPSU and the CCP and the situation in Laos. July 6, 1960. Foreign Ministry of the Russian Federation. F. 079. Op. 15. P. 23. D. 6. L. 160–162 (in Russian)].

Справка отдела ЮВА МИД СССР «О вьетнамо-китайских отношениях». 2 июля 1960 г. АВП РФ. Ф. 079. Оп. 15. П. 30. Д. 20. Л. 47–52 [Reference to the Department of Southeast Asia of the USSR Ministry of Foreign Affairs “On Vietnam-China Relations”. July 2, 1960. AVP of the Russian Federation. F. 079. Op. 15. P. 30. D. 20. L. 47–52 (in Russian)].

Телеграмма из Токио № 1047 от 30 декабря [19]58 г. [Telegram from Tokyo No. 1047 dated December 30, [19]58 (in Russian)].

Тихонов П. Г. Взаимоотношения СССР, КНР и ДРВ в первой половине 60-х годов XX века. *Вестник Самарского государственного университета*. 2008. № 4. С. 173–179 [Tikhonov P. G. Relations between the USSR, the PRC, and the DRV in the first half of the 1960s. *Journal of the Samara State University*. 2008. No. 4. P. 173–179 (in Russian)].

Burnham James. *The War We Are In. The Last Cade and the Next*. New Rochelle (N.Y.): Arlington house, 1967. С. 188.

Gaiduk I. V. *Confronting Vietnam: Soviet policy toward the Indochina Conflict, 1954–1963*. Washington: Woodrow Wilson Center Press; Stanford, Calif, 2003.

Goscha Christopher. *Vietnam: A New History*. N.Y.: Basic Books, 2016.

Lê Văn Thịnh. Viện trợ kinh tế — kỹ thuật và quân sự của Liên Xô cho cách mạng Việt Nam từ 1954 đến 1975. *Tạp chí Lịch sử Quân sự*, 2012. số. 242. P. 48–55 [Lê Văn Thịnh. Economic, technical and military aid of the Soviet Union for the Vietnamese revolution from 1954 to 1975. *Tạp chí Lịch sử Quân sự*, 2012. số. 242. P. 48–55 (in Vietnamese)].

Nguyen, Lien-Hang. *Hanoi’s War: An International History of the War for Peace in Vietnam*. Chapel Hill, NC: The University of North Carolina Press, 2012.

Zhai Qiang. *China and the Vietnam Wars, 1950–1975*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2000.